

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА

Вячеслав Софронов

ЕРМАК ПО СЛЕДАМ ЛЕГЕНДЫ

Вячеслав Юрьевич Софронов
Ермак. По следам легенды.
Историческое расследование
Серия «История Отечества (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73934267

*Ермак. По следам легенды. Историческое расследование / Вячеслав Софронов: Вече; Москва; 2025
ISBN 978-5-4484-5122-5*

Аннотация

Образ Ермака Тимофеевича не перестаёт привлекать внимание великого множества людей, обращающих взоры на прошлое России. На сей раз перед вами не вполне обычная книга известного сибирского учёного и литератора В. Софронова, посвящённая как собственно Ермаку, так и поискам следов его знаменитого похода, народной памяти о легендарном атамане, авторским расследованиям и мыслям, которые разворачивают перед читателями картины мест боёв, путей, которыми прошёл отряд Ермака, историческим документам.

Вас ждёт интересное и увлекательное чтение!

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Слово к читателям	6
Часть первая. Реальность памяти	8
Глава 1. Покои владык сибирских	8
Глава 2. Музейные раритеты	16
Глава третья. Обелиск памяти	23
Глава 4. Выбор пути	28
Глава 5. Раритет с кольчуги	34
Часть вторая. Сельские встречи	59
Глава 1. Очевидцы былого	59
Глава 2. В поисках легенды	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Вячеслав Софронов

Ермак. По следам легенды. Историческое расследование

Автор благодарит за помощь и содействие в подготовке рукописи и фотографий к ней:

– Светлану Юрьевну Сидорову – генерального директора государственного автономного учреждения культуры Тюменской области «Тюменское музейно-просветительское объединение» за содействие в исследовании;

– Эдуарда Бурнашева, Игоря Балюнова, Юрия Аверина за помощь в подборе фотоизображений из экспозиции Тобольского музея;

– Руслана Григорьевича Скрынникова за вдумчивый и многогранный подход к теме исследования проблемы;

– Игоря Белича, Андрея Головнева, Александра Адамова, Анатолия Литвинова за их интерес к прошлому Сибири и разработку темы сибирского похода Ермака;

– Марину Николаевну Софронову за возможность обсуждения идеи книги;

– моих учителей и научных руководителей: Ю. П. Прибыльского, Д. И. Копылова, М. Е. Бударина, указавших путь

и направление научного исследования;

– Сафиуллу Ильясова – многолетнего директора Тобольского татарского центра за инициативу при изучении культуры сибирских татар;

– Ахтыма Тажбулатова за помощь в работе над переводами древних надписей;

– Асхата Ниязова за энтузиазм и сбор народных легенд и сказаний сибирских татар;

– Юрия Шулинина за набор и правку текста.

© Софронов В. Ю., 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

Посвящается памяти моего друга и сподвижника Вячеслава Фатеевича Пятикова, безвременно ушедшего от нас.

Слово к читателям

Вниманию читателей предлагается сочинение сибирского учёного и литератора Вячеслава Софронова, которому трудно дать точное определение в литературном плане.

С одной стороны, это описание поиска главным героем местонахождения и иных свидетельств из числа дошедших до нас следов знаменитого похода Ермака, после чего Сибирское ханство было присоединено к Русскому государству. Таким образом, это произведение можно отнести к полевым очеркам. Но в то же время в нём присутствуют авторские рассуждения и сцены, в которых передаются впечатления героев повествования о современной ситуации и народной памяти, связанные с легендарным атаманом. А потому, на взгляд автора, это жанр исторического расследования, где читатель вместе с его главными героями знакомится с местами боев, поисками могилы первого сибирского атамана, с материалами исторических исследований. В то же время увиденное им автор подкрепляет собственными выводами и даже предлагает свою версию о личности Ермака.

Следует сказать, что Вячеслав Софронов ранее уже выпустил исторический роман в трёх томах под одним названием – «Кучум», где изложил в популярном виде своё собственное представление о произошедших более четырёх веков назад событиях, о прошлом Сибири и народа, её населяющего.

Но с тех пор прошло несколько десятилетий, и историческая наука пополнилась трудами новых исследователей, на которых он также ссылается.

Так что читателя ждёт интересное и увлекательное чтение новой книги о легендарном Ермаке, чья судьба и подвиг не перестают волновать нас, современников.

Часть первая. Реальность памяти

*И посла их Бог очистити место, где быти
святъне,
и победити бусурманского царя Кучюма...
Сибирские летописи*

*Памяти безвременно ушедших из жизни моих
друзей посвящается*

Глава 1. Покои владык сибирских

Вряд ли вы встретите на карте мира название этого города. Меж тем в прошлые века, во времена существования Российской империи, город этот был удостоен чести значиться на всех европейских картах наряду с Парижем, Римом, Берлином, Веной, Петербургом и Москвой. И говорили о нём уважительно, иногда даже шёпотом, с боязнью и трепетом, потому как оказаться в нём хотел далеко не каждый. А кто и ехал туда, то обычно не по своей воле, а по царскому указу, с добавлением к тому: «...направляется имя рек такой-то... на жительство в места, не столь отдалённые».

Служил тот город не только местом ссылки тех, кто с законом не в ладу, но и прочие заезжие люди никак не могли миновать его, не получив разрешения на проезд от главного

сибирского воеводы. Пришло время, и тех воевод сменили губернаторы, оставаясь все так же полновластными сибирскими властелинами.

Природа сама подсказала для главного сибирского города одно из лучших и красивейших мест во всём неохватном крае тайги, своенравных рек, озёр и болотных топей, поместив его на вершине холма при слиянии двух водных стихий: Иртыша и Тобола.

И на том мысу царским указом заложили град под названием Тоболеск, а все земли вокруг подчинили власти наместников самодержавных правителей.

Год за годом тянулись, текли, как речные воды, века, отстукивали часовым боем дни, годы, менялась власть и её ставленники... После того как город покинула изгнанная из столицы семья последнего Российского императора, пришла власть иная, оказался Тобольск, как и многие старинные русские города, не в почёте, а в самой что ни на есть опале. Хорошо хоть на прежнем месте позволили остаться, не обнесли колючей проволокой, желая искоренить былые заслуги.

А что осталось? Память народная отживших свое старожил о прежнем величии города да покосившиеся домишки от прежних крепких хозяев, а еще музейные экспонаты под стеклом в пыльных витринах. И тишина по ночам, пронзаемая тревожными гудками парашедов, подающих сигнал о своём прибытии. Да реки ещё текли всё так же неумолимо в сторону северных морей, неизменно затапливая город по

весне и надолго отрезая его от внешнего мира.

Но жизнь внутри городка по-прежнему теплилась, пусть не столь активно, как в былые времена, но горожане были и тем довольны, занятые кто домом, кто работой, поездками по гостям или пустыми соседскими разговорами.

В городе остались от прежних времен две школы, две больницы, две тюрьмы, один институт, полдюжины техникумов и полтора десятка магазинов. Но главной гордостью служил местный музей, основанный когда-то в императорскую годину и с тех самых пор существовавший за счёт государства без особых перемен и треволнений. Не сразу, но со временем музей разместили в палатах изгнанного, а точнее убитого революционным матросом владыки, чьи мощи теперь покоились также рядом на архиерейском дворе в древнем и почитаемом соборе. А именем революционного матроса власти без лишней скромности нарекли одну из городских улиц.

После безвременной гибели сибирского владыки его покои недолго пребывали без хозяина. Вскоре там разместили отловленных и свезённых отовсюду беспризорников. Злые и обиженные на весь белый свет, лишивший их непонятно за какие грехи родителей, голодные оборванцы в короткий срок привели роскошные владыческие покои в состояние, близкое к скотскому: выломали старинные иконы из резных иконостасов, украшавших две домовые церкви, и топили ими нещадно дымивший камин. Шторы из парчи, висевшие на огромных в рост человека окнах, сгодились обо-

рванцам на плащи и накидки, из-за обладания которыми они вели непрерывные потасовки. Портреты с изображениями предшествующих митрополитов и архиереев они порезали на игральные карты и часть из них удачно обменяли на картошку и прочую снедь на местном рынке.

Но больше всего их притягивали дубовые перила, обрамляющие мраморные лестничные переходы меж этажами. К ним с раннего утра выстраивалась очередь из чумазных оборванцев, мечтающих получить право хоть разок скатиться вниз по широченным перилам под несмолкаемый визг соплеменников.

Наконец новая власть, не выдержав буйства и неукротимого разгула голоштанной братии, больше напоминавшей несовершеннолетних разбойников, тем более что в самом городе и вокруг и без того хватало заправских бандитов и выпущенных на волю арестантов, решила прекратить архиерейский бедлам и освободить стоящие у них под носом владыческие покои от озорников. Были предложения привести всех поголовно напрямик в простаивающие без дела тюремные казематы, но побоялись бунта малолетних арестантов.

Тогда встал вопрос о переселении их в Знаменский монастырь, находящийся в подгорной части города. Вот только в братском корпусе монастыря уже ранее разместился армейский лазарет для доблестных красноармейцев, участвовавших в классовых боях местного масштаба. Потому выбор свой и без того измотанные неразрешимостью свалившихся

на них бед и насущных бытовых вопросов опять-таки направили на владения церкви христовой, вспомнив про загородный девичий монастырь.

В короткий срок собранный комитет из борцов за светлое будущее всего прогрессивного человечества единодушно проголосовал за вторичное освобождение ставших для власти невыносимой обузой архиерейских покоев от беспорядочной вольницы.

Наряженная в лохмотья толпа оборванцев под неусыпной охраной бывших тюремных надзирателей, заскучавших без привычного дела, с заряженными наганями в руках, а некоторым после недолгих колебаний доверили даже трёхлинейные винтовки с примкнутыми для большей остроты штыками, выступила из Софийского двора под недовольный гул и нелюбезные выкрики из толпы местных обывателей и сбежавшихся по этому случаю истово верующих граждан.

Кто-то тут же пустил слух, что будто ждут приезда нового владыки, успевшего принять новую антихристову веру, и по такому случаю освобождают прежние владыческие покои. Народ, и без того вздыбленный предшествующими событиями, ни в какую не желал принимать новую власть, но приученные подчиняться присланному кем-то сверху начальнику плевался, но терпел комиссаров в кожанках, перепоясанных отнюдь не Андреевскими, а пулеметными лентами со злоеюще поблескивающими в них боевыми патронами.

Никого уже не удивляли, а тем более не волновали рас-

стрелы, случавшиеся всякий раз со сменой власти. Больше настораживал надвигающийся на город голодный год и полная бесперспективность дальнейшего существования. Может, потому любой маломальский митинг, возникший по самому никудышному поводу, а повод всегда находился, перерастал в обычную бузу и столпотворение. Народ сбивался в толпу обычно подле Базарной площади и вскоре мигом обрастал зеваками, испытывавшими неукротимый, вполне понятный каждому смертному животный голод, каковой собравшиеся пытались утолить на тех митингах пищей для организма вредной, участвуя в общем галдеже и улюлюканье. Они с надеждой вслушивались в очередного пылкого оратора, предлагавшего то отменить комендантский час, то всем мужикам отрастить бороды и ходить при них до полной смены власти.

Вот только выступающие там горлопаны-ораторы ничего путного предложить не могли и каких-то новых способов, как добыть всем и каждому пропитание, не ведали. Чего уж там говорить о судьбе архиерейского дома, до которого не было дела не только властям, но даже самым что ни на есть квасным патриотам, ратующим за сохранение сибирской веры и самобытности.

Так или иначе, архиерейские покои вновь опустели, не дождавшись очередного хозяина... Ветер беспрепятственно гулял по его просторным залам, топорща не до конца сорванные обрывки некогда изящных, расписанных старательны-

ми мастерами своего дела обоев, со следами цветущих райских кущ, палестинских храмов и оазисов с ангелами, взирающими сверху с немым удивлением на деяния детей божьих. И сами горожане не могли до конца осознать, кто они теперь есть: страждущие путники, ведомые своим новоявленным Моисеем, или сыновья Каиновы, убивающие без разбора своих и чужих братьев, а может даже свежеиспеченные варвары, верующие лишь в золотого тельца, давно ими утерянного.

Если и была меж ними какая-то вера, то только в свою природную силу, дарованную им предками, дедами и прадедами, вскормившими сибирскую землю своим потом, слезами, вставшими грудью навстречу былым невздам и через это твердое стояние на родной земле уверовавшими в Божье покровительство и заступничество.

Потому рано или поздно вспомнилось им о былых делах, совершенных едва ли не былинными богатырями, пришедшими на эту землю когда-то первыми, смирившими воинственные народы, заложившими города и остроги и поплывшими на стругах по сибирским рекам всё дальше и дальше на Восток, до самого конца земной тверди.

Да и власть смекнула, что не скоро рай земной в их пределах наступит. А потому покамест не лучше ли вспомнить о тех былых делах и заслугах. Главное, есть на что кивнуть, кому без оглядки можно поклон отвесить. Как кому? Тому самому человеку, чей лик висел едва ли ни в каждом обу-

строенном по-хозяйски жилище на видном месте рядом со святыми образами. Коль иконы ныне, как сказывают, под запретом, то насчет героев народных пока что молчок. А в городе Тобольске тот герой слыл самым что ни на есть богатырем, ничуть не ниже, чем Илья Муромец или Добрыня Никитич.

Александр Невский с Дмитрием Донским, как выяснилось, происходили из княжеского рода, зато наш атаман числится то ли разбойником с большой дороги, то ли воинским начальником. Кто его разберет... В народе о нем и песни слагают, и рассказы разные услышать можно. Даже татары сибирские, с коими он хоть и не один год воевал, и то тайно к нему на могилу приезжают поклониться. Одно слово, героем он был и героем остался. И никто тому перечить не станет. А имя его Ермак Тимофеевич. О нем всяк человек в Сибири знает и уважительно имя его произносит...

Глава 2. Музейные раритеты

...Остался в Тобольске с царских времен музей, некогда опекаемый самим императором. Теперь же, решили местные властители дум и судеб, о том не столь давнем прошлом в наступившие лихие времена вспоминать не следовало и даже в мыслях лучше не держать. Хотя, если разобраться, вроде бы ничего в тех музейных коллекциях особо противозаконного или, сохрани Господь, противного к свершившейся революции в музейных сокровищах многочисленные комиссии не обнаружили, а что и было, спешно предали огню или на свалку свезли от лишних пересудов. Главное, отыскиали проверяющие среди многих вещей и предметов статую того самого Ермака и портреты его, маслом написанные. Никто и спорить не стал, когда постановили разместить в бывших архиерейских покоях те портреты, а саму статую водрузить у самого входа, а в залах оружие былых времен разложить, чтоб народ иных мыслей в пустых головах не держал и, гляючи на те древние изделия, о тех диких народах дурно не думал.

Сказано – сделано. Мигом всё перевезли, каждой вещице свое место определили, штат для охраны завели из числа людей знающих, плату за вход определили. И потекла жизнь музейная, мало отличная от прежней. И народ вслед за тем успокоился, перестал ждать владыку нового, поскольку па-

латы его иным делом заняты. А для пушей острастки поставили перед музейным домом осадные орудия дулами, направленными в сторону городских строений. Понимай как хочешь. Кто не совсем глуп, с тех самых пор всё правильно и понял, деткам своим завещал: живите в ладу с новой властью, какой бы она ни была, и об иных порядках сроду не помышляйте.

Так древний Тобольск медленно и неуверенно вписывался в новую жизнь. Он словно огромная груженная баржа, лишившаяся привычного буксира, уже по инерции входит в порт для швартовки, поворачиваясь то одним, то другим боком, подгоняемая течением и, наконец, со скрипом и скрежетом, ударившись о причальную стенку, замирает в ожидании своей дальнейшей участи.

Серая масса бывших губернских служащих спешно пыталась устроиться в новоявленные губ- и райотделы; кто простым бухгалтером в какую-нибудь артель или мастерскую; кто билетерами на речную пристань, стараясь изо всех сил продемонстрировать свою преданность и лояльность и тем самым обеспечить себя и семью хоть каким-то маломальским пропитанием.

Бывшие купчики не стали сидеть и ждать начавшихся чисток и проверок, а потому первыми умыкнули из города, осели в близлежащих деревнях и поселках, мечтая уехать куда подальше, лишь бы не столкнуться нос к носу со своими бывшими земляками. Проще было тем, кто служил на флоте.

На них при новой власти оказался изрядный спрос, будь ты хоть матрос, хоть механик иль там кочегар. Нужны были и дрова для пароходов, а потому самые бойкие и шустрые мужички сколачивали свои артели по заготовке и вывозу пригодных к топке дровишек с отдаленных и близлежащих делянок, к тому же никем теперь не охраняемых и легко доступных каждому.

Начал потихоньку заполняться короткий срок пустующий централ тюремного острога, куда, опять же, понадобились охранники, которых в городе оказалось более чем в избытке. Многие пожелали быть нужными новой власти и жить на всем готовом и без особых хлопот вселяться в казенное жилье. За тюремную службу платили, да еще и обмундирование ссуживали из старорежимных запасов, правда, прежние погоны и кокарды с шапок предусмотрительно снимали во избежание разных толков.

Потихоньку втянулись в свою новую службу и вновь набранные музейные работники из числа учителей, библиотекарей, а то и просто людей грамотных. С доставшимся им богатством, сваленным куда и как попало на нижнем этаже огромного архиерейского дома, следовало как-то разобраться, изучить, привести хоть в какой-то порядок.

Начала выходить единственная городская газета, и знание истории в новом свете происходящего оказалось как никогда нужным. Вот тут-то и возникли первые разногласия вокруг личности сибирского атамана. Секрет состоял в том, что ед-

ва ли не любому и каждому из живущих в Сибири нынешних советских граждан был он симпатичен и дорог. Но вот ведь какая закавыка выходила: как быть с местным населением, которому теперь стало позволено открыто и всенародно выражать свою волю?! Пусть не до конца, но в определенных пределах дозволенного. А ну как они пожелают объявить себя независимыми от всей страны, названной СССР? Как тогда быть?

Опять же, закавыка: на самом видном месте возвышался в городе возведенный в царские времена гранитный обелиск с хвалебной надписью: «Покорителю Сибири». Не сносить же его, право дело. И сад на том холме вокруг обелиска его имя носит. Есть над чем задуматься не только городским управителям, но и тем, кто на самом верху сидит. Стоит ли народ волновать ради памяти об одном человеке, к тому же много веков назад, по слухам, утонувшего, а может и убиенного. Пора бы и забыть о тех временах, о светлом будущем начать думать, кто ж мешает? Одним словом, история с Ермаком Тимофеичем темная, а у новой власти и без него забот хватало. Тем более все дела, случившиеся до революционного переворота, свершались не русским народом, а царями-кровавпийцами. Вот и все ответы на те непростые вопросы...

Вняли тобольские начальники тем доводам и наиболее рьяных восхвалителей подвигов ермаковых казаков приструнили. Памятник пока что оставили как есть, до тех пор, пока сверху какое иное решение не спустят. А сад вот, во избе-

жание лишних пересудов и неправильного понимания, переименовали в Пионерский. Тем более пионеры, как и ермаковы казаки, всегда и во всем первые. Чем худо? Кто не дурак, опять же, поймёт, а нет – так ему подскажут.

Не успели со своими домашними делами разобраться, как страшная война нагрянула. Тут и в самом деле не до самоопределения отдельных народов и наций, живу бы остаться. Все мужики в короткий срок на фронт ушли, а у тех, кто остался, старики да бабы, головы совсем другим оказались заняты. Долго после войны раны зарубцовывались. В Сибири хоть фронта и не было, а всё одно разруха едва ли не полная. Опять же, не до героизма, детей бы вырастить, хозяйство обустроить, пожить в тишине и спокойствии.

Впервые народ головы от земли поднял, когда первый спутник в космос запустили, а вслед за ним и Гагарина. Поняли, жизнь налаживается.

...Учился в те годы Пашка Хворостов в школе в начальных классах, когда услышал по радио объявление о первом в мире космонавте голосом самого Левитана. Впечатлился, побежал отца с работы встречать. И всё ему о том выпал. Отец в ответ лишь улыбнулся, но ничегошеньки не ответил. Может, потому, что на работе о том узнал или в газете прочёл. Вот как-то так каждый из них эту новость по-своему принял. Но потом отец расщедрился и, отправившись на прогулку со своим спаниелем Марсиком, захватил с собой и Павлика.

Рядом с их домом через небольшой овражек находился засаженный когда-то хвойными деревьями сад Ермака, оставшийся в памяти старожилов именно под таким названием, хотя табличка при входе гласила: «Сад пионеров». Когда-то там была эстрадная площадка для танцев и даже кинотеатр, но со временем строения обветшали не столько за давностью лет, сколько от небрежности содержания. Эпоха всеобщего самовозгорания ветхого жилья была ещё впереди, но во избежание поджога или по иной причине эстраду и кинотеатр разобрали. А неподвластный огненной стихии шпиль монумента покорителю Сибири продолжал рассекать налетавшие на него ветра и с востока, и с запада в окружении вкопанных в землю пушечных орудий, окованных гроздьями цепей, служивших как бы предостережением всякому желающему переиначить прошлое.

Паша не помнил, о чем они тогда говорили с отцом во время их редкой совместной прогулки, но один свой вопрос он запомнил точно:

– Папа, а кто был этот Ермак?

Отец ответил в своей обычной манере:

– Вырастешь – узнаешь...

Может, не хотел отвлекаться от своих мыслей о чем-то более важном, а может и впрямь решил, рано сыну постигать вопросы истории, тогда как далеко не каждый взрослый может в них разобраться.

Но Пашка это запомнил и нет-нет повторял про себя:

– Ермак-ак-ак. Ер-мак-мак-мак...

Было в этом имени что-то притягательное и одновременно грозное, пугающее, видать, не зря его так прозвали. И не важно, кто он был на самом деле. Главное другое: имя само по себе многое говорило о том человеке.

Было оно весомо. Строго. Жестко. И для русского уха непривычно. Так и веяло чем-то древним, потаенно-заповедным, таинственным.

Может, уже потому Павел стал частенько повторять имя или прозвание человека, о котором ему самому было ничегошеньки не известно. Тогда он еще не знал, что можно в любой библиотеке взять энциклопедический словарь, найти имя сибирского атамана и прочесть о нем всё, что собрали ученые. Нет, он шел своей тропой, как странник, не доверяющий компасу, а веривший собственному чутью, интуиции, особым приметам, рассказам встреченных им таких же путешественников, знающих обо всем на свете.

Глава третья. Обелиск памяти

Спустя несколько месяцев после того, как декабристы пошли по этапу в Сибирь, государь император Николай I озабочился строительством памятника покорителю Сибири Ермаку в Тобольске. Заказ разместили на уральском Горнощитском заводе, а вот проектирование велось в столице. И история эта весьма интересна.

В 60-х гг. XVIII века одной из экспедиций на Урале «был найден 15—16-аршинный кусок мрамора, из которого решили сделать обелиск. С этой целью в 1768 г. в Петербург направили модель “древней пропорции”. Рисунки обелиска, отправленные в Петербург, сопровождались описанием, по которому можно составить некоторое представление о характере этого сооружения».

Но рисунки не получили одобрения. Обелиск казался «туповат», его предлагали увеличить за счёт приставной части. В конце концов, после долгих мытарств, в 1815 г. было приказано оставить все работы по изготовлению пирамиды, а части её хранить до другого употребления. Это «другое употребление» нашлось в марте 1827 г., когда возникло предложение поставить памятник Ермаку, используя для этой цели имеющуюся на Горнощитском заводе почти готовую пирамиду. Предварительно было решено дать рисунок пирамиды архитектору К. И. Росси для исправления. К. И. Росси

был перегружен работой и постоянно откладывал проектирование памятника Ермаку. Рисунок пирамиды пролежал у него до тех пор, пока, наконец, составление проекта памятника не поручили И. И. Гальбергу, В. А. Глинке, К. А. Тону. Затем к ним присоединился А. П. Брюллов. Каждый из архитекторов представил свой проект, стремясь в создании нового произведения использовать уже готовые части.

Чего только не предлагали именитые архитекторы! Здесь были вазоны и колонны; доспехи и пушки; рога изобилия; надгробные урны (в память сподвижников Ермака: Кольца, Пана, Михайлова, Мещерека); гербы Тобольской, Тюменской, Енисейской и Иркутской губерний. В нижней части памятника предлагалось поместить небольшую часовню, а в ней разместить хоругви, шлемы, кольчуги, оставшиеся от похода Ермака.

К исполнению был принят один из проектов А. П. Брюллова, существенно доработанный уже в процессе изготовления. Обелиск поставлен на высокий прямоугольный постамент. На двух противоположных сторонах постамента высечены надписи «Покорителю Сибири Ермаку» и «Воздвигнут в 1835 г.».

В декабре 1834 г. памятник был окончен. Он состоял из 54 мраморных и 40 гранитных деталей. Для выполнения цифр на обелиске в Тобольск отправили опытного мастера Николая Комарова, а в 1835 г. архитектором А. А. Монферраном были составлены три рисунка чугунных решёток для памят-

ника, представляющих собою вариации одного мотива – ряда копий или алебард.

Согласно одной из версий, идея поставить в Тобольске памятник легендарному атаману принадлежит ссыльным декабристам, по воле судьбы в разные годы проживавших в сибирской столице. Однако распоряжение о строительстве памятника было дано лично императором Николаем I. В течение нескольких лет на одном из уральских заводов изготавливали монумент по проекту архитектора Александра Павловича Брюллова (брата художника Карла Брюллова).

Пока на Урале изготавливали памятник, инженер Шмидт готовил площадку. Были разбиты аллеи, построены дорожки. Позже был посажен сад – сад Ермака – любимое место отдыха тоболяков. Чтобы доставить в Тобольск памятник, потребовалось несколько пар лошадей, так как после сборки общий вес памятника (с гранитным постаментом) составил 11 687,5 пуда (187 тонн), а высота 8 сажень (17 метров). В источниках встречаются различные данные о весе и высоте памятника. Например, вес – 40 и 87 тонн, высота 16 метров. Чтобы собрать памятник, инженеру Биркину потребовался целый год. 23 августа 1839 г. состоялось торжественное открытие памятника «Покорителю Сибири Ермаку».

10 июля 1891 г. памятник осматривал наследник престола цесаревич Николай Александрович (будущий император Николай II). Он высказал пожелание сделать монумент более воинственным. После этого в землю были вкопаны пушки,

между ними натянуты цепи.

Всё время, пока проектировался и изготовлялся обелиск, на мысу Чукман, образованном Большим Казачьим и Никольским взвозами, велась работа. Были снесены дома, инженер Шмидт сделал планировку участка, разбил аллеи. Целый год потребовался инженеру путей сообщения Биркину для того, чтобы собрать и установить памятник.

Открытие монумента «Покорителю Сибири Ермаку» состоялось 23 августа 1838 г. Но работы по благоустройству территории продолжались до 1849 г. В 1859 г. здесь был разведён сад и устроен цветник.

А вот какой комментарий принадлежит одному из сибирских историков, В. Е. Копылову, о данном снимке:

«Внешнее окружение обелиска, как нетрудно заметить, совершенно не соответствует современному виду. Из описания памятника, сооружение которого проходило в 1837–1849 годах при содействии и финансовой поддержке знаменитых уральских магнатов Демидовых и Яковлевых, следует, что в 1857 году, незадолго до фотографирования, при памятнике были устроены цветник и сад, оранжерея и теплица. Инициатива принадлежала губернатору статскому советнику В. А. Арцимовичу, оставившему о себе добрую память у сибиряков. В теплице выращивались георгины и китайские розы, олеандры и гортензии, кактусы и левкой и многие другие экзотические растения. Их было более тысячи. Среди деревьев выделялись яблони и кипарисы, лимонные, ананасо-

вые и персиковые насаждения. Выращивались овощи: огурцы и салат, редиска и сельдерей, спаржа и петрушка. Плоды и овощи свободно продавались всем желающим. В летние дни в саду играл духовой оркестр. Он располагался при памятнике в специальной беседке для танцев. Беседки для оркестра и танцев хорошо видны в правой части фотографии. К сожалению, потомки Паутова и Голодникова не сумели сохранить былую роскошь оформления и обеднили первоначальные замыслы авторов памятного сооружения. Полвека спустя после Паутова памятник Ермаку стал выглядеть совсем иначе, мало отличаясь от современного вида».

К 1868 г. у памятника появились пирамиды пушечных ядер и выполненные из чугуна фигуры стрельцов.

Беседка, домик и стрельцы уже исчезли, но пирамидки пушечных ядер ещё на месте.

К 1881 г. ядра тоже исчезли, и успели вырасти деревья. К 1904 году бесследно исчезла даже каменная ограда, но зато на склоне сделали тропинку.

Глава 4. Выбор пути

Шло время, Павел вырослел. Не стало отца, и он, совсем того не желая, занял его место, порой тяготясь этим, но по-детски понимая, в доме должен быть мужчина. Теперь не у кого было спросить ни о космонавтах, ни о чем другом, более близком, но столь же непонятном, а потому ждущим ответа.

А интересно было многое: и то, как работают бытовые приборы, только начинавшие входить в быт сибирской глубинки, и что было на этой земле раньше, но спросить теперь было не у кого. Приходилось самому искать людей, которые могли направить его в нужное русло, подсказать пусть не ответы, но хотя бы направление поисков. А еще выручала природная интуиция, доставшаяся от предков, позволяющая ориентироваться в этом безумно интересном мире.

Наверное, эта самая интуиция привела его в городской музей, где тогда в одной из комнаток архиерейского дома находился практически самодельный планетарий, где на черном бархатном куполе рассыпались тысячи светящихся точек, изображающих звездное небо.

Экскурсовод водил светящейся указкой, рассказывая о созвездиях, Млечном Пути, указал на ковш Большой Медведицы, на Полярную звезду, рассказал, как мореходы определяют курс корабля по звездам, чтоб и дальше беспрепятственно бороздить на своих суденышках безбрежные океа-

ны.

И оказалось звездное небо столь захватывающим зрелищем, что Павлик пришел еще и еще раз, пока не стал находить на звездном небе созвездия Кассиопеи, Ориона, Льва, Лебеда и, конечно, Плеяды или попросту – Стожары.

И вот налитанный звездными познаниями, он как-то раз решил подняться по ступеням архиерейской лестницы и узнать, что находится там, чуть выше.

Строгая смотрительница как раз отлучилась, и он легко попал в музейный зал, пройдя без всякого интереса мимо каких-то черепков, наконечников стрел, каменных орудий, развешанных по стенам перед входом в зал.

Там, на верхнем этаже, его встретила фигура воина в шлеме, облегающей мускулистую фигуру кольчуге, с наполовину извлеченной из ножен саблей. У него мелькнула мысль: это кто-то из древних рыцарей, о чем ему приходилось читать в исторических романах, взятых тайком из семейной библиотеки без разрешения бабушки, неукоснительно следящей, те ли книги читает ее внук. Тогда у него просто не хватило сообразительности соотнести увиденную скульптуру с именем легендарного атамана, для чего стоило всего лишь прочесть табличку, пришипленную к постаменту. А там значилось: «Ермак Тимофеевич», и всё бы встало на свое место. Не знал он и имени скульптора Алексея Клюкина, родившегося в Тюмени, прошедшего всю войну и лишь потом ставшего скульптором по призванию.

Но самое интересное оказалось в открывшемся перед ним огромном зале, уставленном застекленными витринами. Трудно было поверить, что здесь когда-то находилась домовая церковь сибирского владыки, превращенная теперь в музей. Может, это даже символично, что первые знания о Ермаке пришли Павлику, как и многим другим, под церковными сводами пусть и бывшего храма.

Он пристроился к одной из групп, что вел мужчина-экскурсовод в круглых очках-велосипедах и услышал пусть не всё, но большую часть его пламенной речи. А говорил тот действительно пылко, сопровождая каждое слово взмахами рук с зажатой в одной из них указкой, напоминая тем самым дирижера симфонического оркестра.

– ...И пришли казаки с Волги к уральским промышленникам Строгановым для защиты их городков от набегов воинствующих отрядов татар и манси, опустошавших их вотчины...

И дальше о том, как казаки те не захотели отсиживаться за стенами уральских городков, а отправились в дальний поход – на Искер, чтоб сразиться там с ханом Кучумом.

Информации для первого раза было слишком много. Павел понятия не имел, кто такие манси, о которых он где-то мельком слышал, но ничего толком не знал, или какие-то купцы Строгановы, а тем более хан Кучум и загадочный Искер. Всё как-то перемешалось у него в памяти и осело на самое дно, как песок в стакане воды, чтоб лежать там до по-

ры до времени не востребовавшимся, поскольку другая информация, полученная в школе, из прочитанных книг, из услышанных радиопередач, от родителей текла бурным потоком и тоже оседала, копилась, и нужен был заурядный толчок, чтоб запас накопленного из ненужного балласта превратился в некую форму, а точнее, в понимание прочитанного и услышанного.

Видно, так устроена наша память, что она, как некий фильтр, отсеивает крупницы знаний, копит их, а потом вдруг они выстреливают какой-то новой идеей, теорией, осмысленные и нанизанные на единую нить решений. А может, просто существует некое притяжение между личностями, живущими в разные исторические времена, когда вдруг, как вспышка молнии, сверкнёт короткий сигнал, долетевший из столетий, и всколыхнёт сознание кого-то из нас, вроде ничем не примечательного человека? И он вдруг захочет узнать о том, кого никогда не видел, чьё имя прежде ему было совершенно безразлично и неожиданно без видимых причин стало смыслом жизни, когда без познания сути той личности он, человек новой эпохи, просто не может себя представить.

Это и есть главная загадка исторической науки – рыться в прошлом, что-то находить, доказывать другим, становиться предметом насмешек среди друзей, но пережить это и, несмотря ни на что, настоять на своём и не прекращать поиски. Зачем, спрашивается? Всё одно в прошлом нельзя ничего изменить, переиначить, начать жить заново. Что даёт мно-

голетний поиск, кроме собственного удовлетворения, а чаще разочарования? Установление истины? Подтверждение своей или чьей-то там теории? А если завтра кто-то иной, более везучий и упорный, докажет абсурдность твоей находки? На чьей стороне истина? Или её вообще нет. Истины...

Может, стоит вспомнить известный сюжет о Христе и Понтии Пилате, когда прокуратор задаёт Спасителю этот сакраментальный вопрос: «В чём есть истина?» И слышит в ответ: «Истина на небе». Иначе говоря, истина известна лишь Богу.

Как же быть тем, кто роется в архиве, вычитывает старинные летописи, сопоставляет факты, выдвигает гипотезы и ему до поры до времени верят. Пока не будет явлена новая модель, а старая низвергнута, осмеяна как очередная нелепица.

В таком случае не стоит ли исключить историческую науку из числа прочих научных дисциплин, низвести её до уровня астрологии и хиромантии, то есть гадания на кофейной гуще. Нет, эдак никуда не годится. История нужна и во многом доказала это. Да, часто она становится слугой разных диктаторов и политиков, но то не её вина. Так и обычную арифметику можно заподозрить в обмане обездоленных вкладчиков или обсчитанных вороватыми продавцами покупателей. История была и остаётся одним из методов поисков недостающих фактов, реальных событий, а зачастую реабилитацией оболганных личностей, которые зачастую оказыва-

ются героями. А как быть с такими известными личностями, как Степан Разин, Емельян Пугачёв, которые долгое время оставались для всех народными героями? А если разобраться, они повинны в гибели тысяч, а то и миллионов людей. А если копнуть глубже? Сколько ещё найдётся «белых пятен», а при более широком рассмотрении «чёрных дыр» в нашей, да и во всемирной истории.

А потому не лучше ли прислушаться к мнению народа, для которого, по сути дела, и пишется история. Народная память лучше и крепче всяких манускриптов хранит память о прошлом. Потому и песни слагает о народных героях, и поют их за праздничным столом, а вот песни о вождях исполняются лишь на правительственных концертах, и то долго те песни не живут.

Вот разве не так с нашим героем Ермаком Тимофеевичем? Как его только не называли: и разбойником, и бандитом, и конкистадором, но народ тем наговорам не верил и верить не желает, а кто он был на самом деле, ещё предстоит разобраться не только профессиональным историкам, получающим за свой труд регулярное жалованье, но и простым любителям, таким, как Павел Хворостов, чьи предки когда-то пришли в Сибирь вслед за легендарным атаманом...

Глава 5. Раритет с кольчуги

После окончания школы Павлу при всей его любви и интересе к истории даже в голову не приходило поступить на истфак, настолько неприятные воспоминания остались у него после уроков истории. Он мог назубок пересказать все этапы русской революции, признаки революционных ситуаций, заслуги красных командиров во время Гражданской войны, но всё, что происходило в России до пресловутого тысяча девятьсот семнадцатого года, казалось, было покрыто беспросветным туманом. Он очень хотел знать о событиях эпохи царей и императоров, но в учебниках истории о том было написано довольно скупо, с каким-то стыдом и недомолвками, а потому казалось, ничего интересного там – в Российской истории, – не происходило. Века текли без особых перемен, а сама история огромной страны надолго застыла, словно протухшая вода в старом пруду, покрытом толстым слоем зеленой тины. А потому он просто опасался, что в институте ему опять придётся зубрить о роли Коммунистической партии и неотложных задачах советского народа в построении коммунизма.

Хотя, что скрывать, в светлое коммунистическое будущее он старательно верил, точнее, старался себя в том убедить. А как же, поскольку серьезные дяденьки с высоких трибун регулярно и с большой убедительностью доказывали его неиз-

бежность; но вот практика ночного прослушивания на стареньком радиоприёмнике вражеских голосов все чаще заставляла его думать иначе.

О том же говорило всё его окружение, состоящее из беспартийных родных, таких же ни во что не верующих соседей, друзей отца, дальних московских родственников, если и говоривших вслух о скором коммунистическом будущем, то с ехидным прищуром, а то и с издёвкой. А ещё его страшили закрытые партийные собрания, куда ходили главным образом начальники или другие не особо уважаемые в его кругу люди.

Потому по совету своей мудрой и много чего повидавшей бабушки он подал документы на физмат в местный пединститут. Там вплоть до своей преждевременной гибели вёл занятия на физмате его отец, а его друзья обещали помощь и поддержку его сыну-первокурснику и даже предложили ему подработку в качестве лаборанта.

Суть работы только начавшего жизнь лаборанта заключалась в наблюдении за звёздным небом и искусственными спутниками Земли, которые, как оказалось, во множестве курсировали в космическом пространстве, прокладывая свою орбиту в пределах доступных для наблюдения с территории древнего сибирского городка Тобольска. Дежурить на станции ИСЗ по наблюдению за спутниками следовало ночью, а днем – на лекции.

Незаметно текла и студенческая жизнь. Вручение дипло-

ма совпало со столетним юбилеем основателя Советского государства, как раз вошедшего в зрелую полосу своего застоя. Став учителем физики и астрономии, Павел был принят на работу в одно из средних учебных заведений города, что воспринял как рядовой факт своей биографии, столь необходимый и неминуемый для каждого гражданина Страны Советов. Вот тогда-то и произошла его первая неофициальная встреча, во многом определившая его дальнейший круг интересов, а, возможно, перевернувшая всё его дальнейшее существование.

В один из осенних дней он, как обычно, возвращался домой, проведя положенное по расписанию занятие. Путь его лежал из подгорной части города на гору. Маршрутов, предположительно, могло быть два: по Никольскому взвозу на автобусе или по ступенькам Прямского взвоза, но пешком. Автобус ждать не хотелось, стояла чудесная пора бабьего лета, опавшие листья жалобно шелестели под ногами, навстречу ему с бешеной скоростью, спеша куда-то. перескакивая через две ступеньки, неслись под гору парни из рыбтехникума. Осторожно спускались пожилые старушки после окончания очередной службы в храме, вдумчиво шагали глядя себе под ноги мужчины в длинных плащах и фетровых шляпах.

Всё шло как обычно в полуденный час в провинциальном сибирском городке. Без каких-либо происшествий и тревожений. Но вот взгляд Павла выделил среди спускающихся сверху людей знакомую фигуру слегка сутулившегося муж-

чины в очках-велосипедах, в белой фуражке на голове. Тот, увидев Павла, слегка улыбнулся и приостановился.

То был известный всему городу музейный экскурсовод, от которого Павел несколько лет назад впервые узнал о причинах похода Ермака в Сибирь. Потом они познакомились на каком-то из школьных вечеров, куда тот был приглашён для очередного доклада о чем-то там неведомом и тобольским школьникам явно неизвестном. Звали его Николай Александрович Мыльников, хотя эта фамилия не совсем ему подходила. Больше бы подошла Ёжиков или Ежов, поскольку во взгляде его сквозила колючая осторожность и неприятие иных взглядов, кроме его собственных.

Да что говорить, каждый экскурсовод, а то и лектор, заучивший раз и навсегда написанный кем-то текст, со временем становится столь же неповоротлив, как автомобиль, попавший в наезженную сотнями колёс колею. И выбить его, заставить поменять даже самую малость в своём выступлении то же самое, что пересадить столетний дуб на новое место. Он просто не приживётся и погибнет под сочувственные ахи и охи горе садоводов. Вряд ли стоит требовать от несчастных экскурсоводов гибкости и частой смены их взглядов на те или иные события. Они устроены совершенно иначе.

Тогда ещё в мыслях Павла ничего подобного не было. Идеи о косности мышления большинства музейных работников пришли к нему гораздо позже. А поначалу он пря-

мо-таки благоговел ко всем, кто находился за музейным порогом, и все сотрудники, включая сторожей и дежурных в гардеробе, представлялись ему недостижимыми светилами, как те же искусственные спутники Земли, за которыми он мог наблюдать через специальную оптику, но при этом даже не мог себе представить, каким образом к ним можно хоть чуть-чуть приблизиться. Они оставались для него просто недостижимы.

Меж тем Мыльников остановился перед ним, протянул руку для пожатия со словами:

– Хочешь, Павлик, я покажу тебе что-то редкое, чего ты раньше никогда в глаза не видел? – начал он таинственным полусёпотом, оглядываясь по сторонам.

– Конечно, хочу, – смущённо ответил Павел, хотя совершенно не представлял, что бы такое это могло быть.

Мыльников вытянул из кармана плаща левую руку, сжатую в кулак, неспешно, словно фокусник, разжал пальцы, и на его ладони оказался какой-то предмет небольшого размера, завернутый в клочок газеты. Он, так же не спеша, снял бумажную обёртку, и взору Павла предстала старинная пуговица, местами позеленевшая от времени и с какими-то непонятными буквами на поверхности.

– Что это? – спросил он. – Не понятно...

– Это бляха с кольчуги Ермака, – ошаршил его экскурсовод, очки его при этом блеснули, усиливая эффект неожиданности. – Считается, что это княжеский знак. Он когда-то

украшал кольчугу князя Шуйского. А потом она была подарена Ермаку, в ней он и погиб. Значит, и сам знак был когда-то на кольчуге Ермака. Он был найден дворянином Бутковым в 1904 г. на территории городища Искера. – Это бывшая столица Сибирского ханства, – пояснил он. – Вот, понимаешь, несусь в школу, меня пригласили на классный час. Покажу им, может, тоже историей интересоваться начнут. Интересно ведь, правда?

– Как она к вам попала? – удивился Павел, даже не пытаюсь скрыть своё смущение от увиденного.

– Из музейных фондов дали на время. Под честное слово. Только ты ничего не видел.

– Хорошо, – кивнул ему Павел, – только вы уж не потеряйте её, наверно, ценность всё-таки.

– Постараюсь, – засмеялся Мыльников, быстро спрятал руку с ермаковской бляхой обратно в карман плаща и потопал дальше вниз по деревянным ступеням, оставив Павла с раскрытым от изумления ртом.

После ознакомления с экспонатом из коллекции местного музея, в кармане с одним из которых штатный музейный сотрудник спокойно разгуливал по городу, особых перемен в себе Павел не заметил. Разве что легкое недоумение насчет судьбы редкого экспоната. У него даже не возник вполне очевидный вопрос: как та бляха с кольчуги Ермака попала в музейные фонды? Не сам же атаман отправил его ценной бандеролью по почте на адрес главного хранителя. Об этом

он пока не задумывался. А зря.

Между тем историки уже давно спорили о кольчуге Ермака, согласно легенде подаренной сибирскому атаману за взятие Сибири царем Иваном IV Грозным. Причем та кольчуга когда-то принадлежала князю Шуйскому, известному военачальнику, погибшему в бою, после чего доспех поступил в царскую казну и был подарен Ермаку. В кольчуге же он и погиб в устье реки Вагай при впадении ее в Иртыш.

Впервые знак с кольчуги был представлен в каталоге находок из городища Искер. Василий Пигнатти, составитель каталога, обратил внимание на надпись «князепетровъивьяовича Шуйсково» и задался вопросом: *«Приведенные выше слова не означают ли принадлежности дружинника или вещи (оружия) к составу дружины князя Петра Ивановича Шуйского, который умер в 1564 году и предводительствовал русскими дружинами в борьбе с казанскими татарами?»*

Князь Петр Иванович Шуйский был видным военным и государственным деятелем Московской Руси 1540 – 1-й половины 1560-х гг. Последняя занимаемая им должность – наместник Полоцкий с 1563 года. В битве при Чашниках близ Орши 26 января 1564 года русские войска под командованием Петра Шуйского были разбиты литовской армией гетмана Николая Радзивилла Рыжего. Во время отступления с поля боя русский главнокомандующий погиб. Аналогичный знак-мишень хранится в Оружейной палате, он поступил туда еще в XVII веке из Западной Сибири. Березов-

ские служилые люди во второй четверти XVII века у приобских самоедов (ненцев) «“отбили” кольчугу, а на том де пансыре на грудях мишени золоты, а на них вырезано на одной государево имя, а на другой орел». При более тщательном осмотре было установлено, что бляшки-мишени не золотые, а медные: «на одной вырезан двуглавый орел, а на другой подпись князя Петра Ивановича Шуйского».

Когда кольчугу доставили в Москву, выяснили, что на ней сохранилась лишь одна медная с позолотой бляшка, по которой можно было определить, что вещь принадлежала Шуйскому. Находка подобного знака на Искере – возможно, с того же панциря, – позволила известному историку Сергею Бахрушину высказать с рядом оговорок предположение, что кольчуга Петра Шуйского некогда принадлежала и атаману Ермаку, а тот потерял бляшку с неё во время пребывания в Сибирской столице. Известно, что в 80-е гг. XVI века, после победы над войсками хана Кучума в битве у Чувашского мыса, дружина Ермака без боя заняла городище Искер, где и проживала в дальнейшем несколько лет. По мнению сотрудника Оружейной палаты Московского Кремля Николая Гордеева, «тобольская мишень, видимо, когда-то находилась на втором панцире Ермака», он получил его в подарок от царя Ивана IV Грозного в награду за сибирский поход¹.

...Через несколько лет Павлу Хворостову во время оче-

¹ ГАУК ТО «ТМПО» – структурное подразделение «Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник».

редного визита в столицу по другим делам удалось попасть на экскурсию в Оружейную палату Кремля, где экскурсовод безошибочно указал ему на висевшую среди прочих воинских доспехов ту самую кольчугу. Похожая бляха с медными литыми буквами таинственно мерцала в области груди с правой стороны. Было очевидно, такая же должна находиться, согласно законам симметрии, слева. Но там ее не было. Когда и где она была потеряна, экскурсовод ответить не смог. И лишь тогда в воображении Павла начал формироваться образ сибирского атамана, воссозданию которого он посвятил затем многие годы жизни. Но пока эта загадка четко не формулировалась и лежала где-то под спудом, наряду с прочими, особо не заявляя о себе в ожидании своего часа.

История вопроса

Оружейная палата Московского Кремля. Русское вооружение²

При входе в 1-й зал Оружейной палаты невольно переносишься мыслью в далекое прошлое, от которого нас отделяют сотни лет. Вспоминаются тяжелые годы междуусобных

² Электронный ресурс: <http://museums.artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000014/st002.shtml>

княжеских войн, славные победы русских витязей на льду Чудского озера, длительная борьба против тяжелого татарского ига, победы народного ополчения во главе с Козьмой Мининым и Дмитрием Пожарским над польскими захватчиками, Полтавская битва и многие другие. Перед нами встают образы могучих былинных богатырей, словно сошедших с полотен В. М. Васнецова, В. И. Сурикова и других русских художников.

В витринах этого зала представлены многочисленные кольчатые доспехи, облежавшие некогда богатырские плечи и грудь; разнообразные шлемы; топоры и рогатины, которые в могучих руках русских воинов превращались в грозное оружие против многочисленных иноземных захватчиков.

Наиболее древним экспонатом является шлем, который принадлежал отцу великого русского полководца Александра Невского – князю Ярославу Всеволодовичу. Этот шлем имеет интересную историю.

В 1216 г. на реке Липице произошла знаменитая битва между новгородскими князьями, во главе которых стоял Мстислав Удалой, и владимиристо-суздальскими князьями под командованием Ярослава и Юрия Всеволодовичей. Спустя 600 лет крестьяне, вспахивая поле на берегу притока Липицы – реки Колокши, обнаружили под пнем сгнившего дерева древний шлем и остатки железного панциря. От времени он превратился в бесформенный комок металлических колец. На шлеме сохранилась серебряная чеканная накладка с над-

писью. По ней и удалось установить, что шлем принадлежал Ярославу Всеволодовичу.

С большим мастерством выполнен византийский шлем конца XII – начала XIII вв. Он выкован из цельного листа железа и украшен золотым и серебряным узором. Подобного шлема нет ни в одной из коллекций мира. Он послужил образцом для шлема Добрыни Никитича в картине В. М. Васнецова «Богатыри».

Интересным образцом русских шлемов XVI в. является шлем трехлетнего сына Ивана Грозного – царевича Ивана Ивановича. Он имеет характерную для того времени вытянутую остrokонечную форму. Такая форма шлема не случайна: с него соскальзывали и меч, и топор, и сабля. Высокое навершие предохраняло воина от прямого удара; наносник, сделанный в виде стрелы, защищал лицо. Удар мог быть нанесен только сбоку, но такой удар был не очень опасен. Навершие иногда заканчивалось шпилем, в который вставлялся пучок перьев или цветной флажок. Это был отличительный знак военачальников. По краю шлема царевича Ивана Ивановича пробито множество мелких отверстий, к которым прикреплялась кольчужная сетка-бармица. Она защищала голову и шею воина от стрел и ударов холодного оружия.

Кроме детского шлема, в Оружейной палате представлены детские шпаги, бердыши, пушки и доспехи. Особенно интересны три доспеха – подростковый и два детских. Они были выполнены в мастерских Оружейного приказа в XVII в.

и, по всей вероятности, предназначались для царя Алексея Михайловича и его сыновей. Эти вещи свидетельствуют о том, что царских детей с ранних лет приучали к военным занятиям.

К концу XVI в. относится шлем, подаренный царю Федору Ивановичу польским королем Сигизмундом III. На нем рельефно вычеканены композиции, изображающие подвиги Геракулеса.

Особого внимания заслуживает шлем работы златокузнеца Никиты Давыдова, уроженца древнего города Муром. Искуснейший мастер Никита Давыдов более полувека проработал в Оружейной палате и воспитал целую плеяду талантливых учеников. По тонкости работы и художественному замыслу шлем превосходит лучшие изделия восточных и западных ювелиров того времени. Он покрыт золотым узором, в котором традиционный русский орнамент искусно сочетается с арабскими надписями, украшен великолепной эмалью и драгоценными камнями.

В состав оборонительного вооружения русского воина, помимо шлема, входил кольчатый доспех. Самым древним образцом его является кольчуга. Она имеет вид рубашки, сплетенной из нескольких тысяч колец. Вес кольчуг доходил до 17 килограммов.

В Оружейной палате хранится кольчуга, принадлежавшая воеводе Ивана IV – Петру Ивановичу Шуйскому, прославившемуся своими боевыми подвигами.

С этой кольчугой связаны интересные страницы истории нашей Родины. В 1564 г., во время Ливонской войны, П. И. Шуйский был убит под Оршей, и кольчуга его перешла в имущество Ивана IV. Когда в Москву пришла радостная весть о присоединении к Русскому государству новых земель на востоке – владений сибирского хана Кучума, Иван Грозный пожаловал кольчугу легендарному атаману Ермаку Тимофеевичу. После смерти Ермака кольчуга была возвращена в Москву и впоследствии поступила в коллекцию Оружейной палаты. На ней имеется круглая металлическая накладка с именем П. И. Шуйского.

Более удобным в употреблении и легким оборонительным доспехом является панцирь. Он состоит из мелких колец, число которых достигает 60 тысяч, вес колеблется от 6 до 10 килограммов. Как подсчитано, производство кольчатого доспеха состояло приблизительно из десяти отдельных трудоемких операций. Если предположить, что мастер работал по 10 часов в сутки, то на изготовление панциря ему было необходимо около двух лет. Цена же панциря в XVII в. была сравнительно невелика – от 5 до 10 рублей.

Один из роскошных панцирей был подарен царю Алексею Михайловичу имеретинским царем Александром в 1659 г. Панцирь сплетен из медных посеребренных колец (в настоящее время находится в Грузии).

Несколько иной вид имеет другая разновидность кольчатого доспеха – так называемая байдана. Кольца ее значитель-

но крупнее, чем в кольчуге, и в большинстве своем плоские. Это давало мастеру возможность украшать их тонким резным орнаментом и надписями. Например, на каждом кольце байданы царя Бориса Годунова имеется славянская надпись: *«С нами бог, никто же на ны»*.

Комбинированные доспехи – бахтерцы и юшманы – состояли из колец и металлических пластин. Поверхность их нередко украшалась серебряной или золотой насечкой. Красивой и изящной отделкой отличается бахтерец 1620 г., выполненный мастером Кононовым для царя Михаила Федоровича. Недаром в описи 1687 г. он был оценен в тысячу рублей. Большинство юшманов, представленных в Оружейной палате, относятся к XVII в. Один из них принадлежал боярину Н. И. Романову.

Руки и ноги воинов закрывались наручами и поножами, состоявшими из металлических пластин, скрепленных ремнями.

Оборонительные доспехи стоили больших денег, поэтому их имели только члены царской и боярской дружин. Простые воины использовали в качестве доспехов стеганые ватные куртки и шапки – куяки, в которые зашивали металлические пластины. К сожалению, полного куячного доспеха не сохранилось. В Оружейной палате есть лишь куячная шапка, относящаяся к XVII в.

Древнейшим оборонительным оружием были щиты. Большая коллекция их имеется в Оружейной палате. Щи-

ты делали из дерева, кожи, железа, стали и других материалов. Щиты, сплетенные из тростника, обтягивали тонкой шелковой тканью, на которую нашивали различные украшения: драгоценные камни, нефритовые или золотые накладки и т. п. Эти щиты отличались большой легкостью и вместе с тем были довольно прочны.

Лучшим щитом, подобного которому нет в мировых собраниях, является щит XVI в. работы азербайджанского мастера Мумин-Мухамета Ша. Он выкован из цельного листа булатной стали и украшен косыми гладкими полосами, которые идут от центра, расширяясь к краю. На полосах искусно инкрустированы золотом изображения зверей, людей и стилизованный орнамент. Этот щит принадлежал князю Ф. М. Мстиславскому и после его смерти перешел в казну царя Михаила Федоровича. В древних описях царской казны он записан как самый древний и самый ценный щит.

С появлением огнестрельного оружия все виды оборонительных доспехов теряют свое боевое назначение и приобретают парадный характер. Получают распространение чисто декоративные доспехи – так называемые зеркала. Они состояли из металлических пластинок, соединенных между собой кожаными ремнями и отполированных до зеркального блеска. Этим и объяснялось их название. Образцами таких доспехов являются зеркала царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, выполненные лучшими мастерами Оружейной палаты – Дмитрием Коноваловым, Никитой Да-

выдовым и Григорием Вяткиным. Поверхность зеркал украшена золотым и серебряным орнаментом и чеканкой.

В отличие от русских доспехов, которые были довольно удобны, имели сравнительно небольшой вес и не стесняли движений, доспехи западноевропейских рыцарей XV–XVII вв. были значительно тяжелее. Вес их достигал 30 и даже 40 килограммов. Доспехи были целиком металлические, отдельные части их соединялись на шарнирах. Они закрывали все тело, оставляя лишь узкие прорезы для глаз и рта. Такой доспех рыцарь не мог надеть без помощи оруженосца, в нем он не мог сам сесть на коня. Таким образом, доспехи лишали воина необходимой маневренности в бою.

До появления огнестрельного оружия доспехи прекрасно защищали воина от ударов холодного и метательного оружия. Метательное оружие – копья, джириды, дротики и луки – было широко распространено на Руси еще с глубокой древности, о нем не раз упоминается в народных песнях, былинах и сказаниях.

Лук и стрелы носили в специальных футлярах – саадачных приборах, состоящих из налуча для лука и колчана для стрел. Великолепные парадные саадаки для царского обихода выполнялись из драгоценных металлов и тканей, украшались эмалью и самоцветами. Некоторые из саадаков богато расшиты золотой и серебряной нитью и цветным шелком. В шитье встречаются изображения гербов, эмблем и даже видов Московского Кремля.

Особенно красивы золотые саадачные приборы царей Михаила и Алексея Романовых. Первый саадак был выполнен мастерами Оружейного приказа Иваном Поповым и Авраамом Юрьевым в 1627 г.

Из других видов холодного ударного оружия, употреблявшегося на Руси с древнейших времен, известны клевцы, или чеканы, топоры, копья, рогатины, перначи, или шестоперы, булавы и буздыханы, бердыши, сабли, кончары и палаши.

Рогатины обычно служили для охоты на диких зверей, главным образом на медведя. Наиболее древняя рогатина, относящаяся к XV в., принадлежала тверскому князю Борису Александровичу. На ее рукояти с большим мастерством выгравированы сцены охоты.

Клевцы, или чеканы, имели острый длинный клинок и служили для пробивания кольчуг. Кольчуги с мелкими кольцами прокалывались длинными узкими трехгранными шпагами, которые назывались кончарами.

Очень разнообразны представленные в Оружейной палате булавы, имеющие вид круглого или многогранного яблока, укрепленного на рукояти. Разновидностью булавы были перначи, или шестоперы, яблоко которых разделено на шесть или более лопастей-перьев. Первоначально их делали из твердого камня, дерева и железа.

В XVI–XVII вв. булавы и шестоперы были не только холодным оружием. Они являлись знаками царской или воеводской власти. Их начали делать из серебра, золота или хру-

стала и богато украшать драгоценными камнями. В одной из витрин Оружейной палаты можно увидеть манекен, изображающий русского воеводу начала XVII в., сидящего на коне. На нем парадный зеркальный доспех, в руке – серебряная золоченая булава.

В бою и парадных шествиях сверкающее драгоценное вооружение военачальников должно было поражать воинов своим блеском и красотой, воодушевлять их на ратные подвиги.

Великолепен золотой пернач, рукоять которого украшена ажурным прорезным орнаментом. Во второй половине XVII в. его подарил царю Алексею Михайловичу персидский шах Аббас II.

Одним из самых распространенных видов холодного оружия являются сабли. Они не утратили своего боевого значения даже с появлением пороха. До наших дней дошли сабли, употреблявшиеся еще тысячу лет назад. Их неоднократно совершенствовали, им придавали остроту кинжала и силу меча, чтобы саблями можно было рубить, колоть и резать.

В Оружейной палате имеется богатейшая коллекция сабель и шашек. Особенно дороги сердцу каждого русского человека две простые боевые сабли, которые принадлежали организаторам народного ополчения 1612 г. – Козьме Минину и Дмитрию Пожарскому. Клинок сабли Минина выполнен из египетской булатной стали каирским мастером Ахмедом, клинок сабли Пожарского – иранским мастером Нури.

В Оружейной палате есть сабля, выполненная мастером Ильей Просвитом в 1618 г. Ее клинок из великолепного булата украшен красивым прорезным орнаментом.

Булат – чистая углеродистая сталь со своеобразным узором из полосок или волнистых линий. Узор пронизывает всю толщу металла. Клинок из булата рассекает газовый платок. Все лучшие образцы оружия, представленные в Оружейной палате, сделаны из булатной стали.

Особенно богато украшались сабли «Большого наряда», т. е. парадные. Все они имеют серебряные или золотые ножны, покрыты изумрудами, рубинами и другими драгоценными камнями.

Не менее роскошны сабли, которые русским царям дарили именитые бояре или заморские «гости». Многие восточные сабли имеют своеобразные надписи. Например, на сабле, поднесенной царю Алексею Михайловичу купцом гостинной сотни Иваном Булгаковым в 1656 г., начертан девиз: «Проводи время во блаженстве»; на сабле, подаренной князем Я. К. Черкасским в 1646 г., – «Владелец прославится» и т. п.

Из сабель XIX в. особенно интересна сабля, изготовленная в Златоусте известным русским мастером Иваном Бушуевым. На ее клинке булатной стали превосходной золотой наводкой изображены батальные сцены Русско-турецкой войны 1827–1829 гг.: на одной стороне – сражение русских войск за крепость Варну, на другой – торжественный въезд

в нее русских войск.

Как прекрасный образец работы русских мастеров, эта сабля экспонировалась на Петербургской выставке в начале XIX в.

Группа восточных кинжалов и ножей привлекает внимание изящной формой и красивой отделкой. Ножны их выполнены из серебра, золота или черного дерева и покрыты яркой эмалью, сливающейся с блеском алмазов, рубинов и изумрудов. На одном кинжале грузинской работы сделана надпись: «На смерть врагу, на защиту друга». На персидском кинжале начертано: «Вынь кинжал и раскрой грудь мою, пусть видит свет сердце мое, полное томления и кипящее любовью». Любопытную надпись имеет турецкий нож: «Когда этот кинжал-красавец блеснет из-за пояса, то враг увидит, что пришло время душе расстаться с телом, а сердцу, жаждущему мести, излиться кровью».

Очень интересно холодное оружие работы кавказских и среднеазиатских мастеров. На одной из сабель имеется надпись: «Железной воле булатный меч».

Своеобразным видом холодного оружия являются малайские кинжалы – крисы с узким извилистым лезвием. Ими наносили глубокие незаживающие раны.

Для обезоруживания противника применялся кутар – индийское леворучное оружие. Он имеет два длинных зазубренных конца, между которыми захватывалась, а затем переламывалась сабля врага.

Изящен кортик индийской работы, принадлежавший Петру I. Рукоять его в виде головы дракона выточена из рога. На ножнах из черного дерева укреплен золотой футляр, в котором лежат масштабная линейка, циркуль и игла с обозначением масштабных делений. Этой готовальной Петр I пользовался во время походов для определения калибров орудий.

В XVII в. на вооружении русской армии в основном было уже огнестрельное оружие. В Оружейной палате представлена большая коллекция ручного огнестрельного оружия русской и иностранной работы XVI–XIX вв. Здесь и турецкие ружья XVI в. с примитивным фитильным замком, и немецкие ружья с кремневым колесцовым замком. Этот замок был очень тяжелым, громоздким и неудобным. Чтобы произвести выстрел из такого ружья, нужно было завести замок специальным ключом. Если ключ терялся, ружье становилось непригодным.

На Руси уже в начале XVII в. существовал более простой и надежный ударный кремневый замок так называемого «московского дела», широко применявшийся не только на Руси, но и на Западе до середины XVIII в. Ружья с кремневым замком применялись во время войны с польско-шляхетскими интервентами.

Устройство такого ружья просто: камень ударяет по огниву и высекает искры, которые воспламеняют порох и заряд, забитый в ствол дула. Приклад не прижимали к плечу, а держали при стрельбе на вытянутых руках или ставили на

специальную подставку.

Множество парадных царских ружей было изготовлено во второй половине XVII в. мастерами Оружейной палаты Вяткиным, Никифором Кобелевым, Андроновым, Колиным, Василием Карцевым и др.

Одни мастера выполняли только ложа и стволы ружей, другие – замки. Универсальными мастерами-оружейниками были Тимофей Ульянов и Исаяя Первушин.

Стволы ружей украшены золотой и серебряной насечкой, ложа инкрустированы перламутром и слоновой костью. Искусно выполнены замки в виде львиных голов, дельфинов, драконов, различных фантастических чудовищ. Особенной красотой и изящной отделкой, прочностью и легкостью отличались замки Андропова. Это был один из лучших оружейников в Москве, возглавлявший целую школу мастеров-замочников первой половины XVII в. Среди его учеников известны мастера Осип, Кузьма, Иван и др.

Обращает на себя внимание массивное ружье – тюфяк, изготовленное группой русских оружейников XVII в. Ствол его сделан Вяткиным, замок – Андроновым, ложе – Василием Карцевым. Ружье принадлежало царю Алексею Михайловичу и использовалось для охоты на крупных зверей – лосей, кабанов и медведей. Вес его – около 16 килограммов, калибр – 18 миллиметров. Рядом с ним – изящное детское ружье-пищаль Петра I. Ложе и приклад пищали инкрустированы перламутром и черным деревом, а на стволе золотом

наведена надпись.

Охотничьи ружья XVIII в. значительно скромнее по отделке, но более совершенны по устройству. В основном они производились на петербургских, тульских, олонечких, сестрорецких и уральских заводах.

Высокими боевыми качествами отличаются ружья, изготовленные петербургскими мастерами П. Лебедевым, И. и Г. Пермяковыми, а также известными тульскими и московскими мастерами – Третьяковым, Лялиным, Крапивенцевым, Леонтьевым, Макарышевым и другими.

На турецких ружьях XVIII в. есть любопытные надписи. Например: «От зыка моего содрогается свод небесный, от пламени дыхания моего враг трепещет».

Придворные шпаги этого времени отличались великолепием отделки. Их серебряные или золотые рукояти усыпаны алмазами, сапфирами, рубинами и изумрудами. Рукоять одной шпаги искрится, как бриллиантовая. Лишь внимательно приглядевшись, можно заметить, что на ней укреплены небольшие граненые кусочки стали, отполированной до блеска бриллиантов. Необыкновенным искусством обработки металла особенно славятся мастера сестрорецких и тульских заводов. Об этих мастерах-умельцах говорят, что они могут подковать даже блоху. Такие стальные «бриллианты» украшают рукояти некоторых кортиков и охотничьих ножей.

Большой интерес для посетителей представляют древние

русские знамена. Наиболее ранними из них являются знамя красного атласа, с которым Иван Грозный в 1552 г. ходил в поход на Казань, и так называемый «Великий стяг» 1560 г., голубого атласа, с изображением Христа на коне.

Знамена из простой суровой холстины, расписанные красками, участвовали в сибирских походах Ермака Тимофеевича в 1581–1582 гг. На одном из них изображен архангел Михаил с Иисусом Навином под стенами Иерихона, на другом – лев и единорог. Эти изображения сделаны при помощи аппликации из цветного холста.

Атласное знамя малинового цвета с изображением Спаса сопровождало полки князя Д. М. Пожарского, когда они шли в 1612 г. из-под Нижнего Новгорода (ныне Горький) освобождать Москву от иноземных захватчиков.

Несколько шелковых знамен относится ко второй половине XVII в. Они участвовали в походах под Смоленск и Ригу. На некоторых из них по красному шелку изображены святые, на одном – великий русский полководец Дмитрий Донской и русские князья, прославившиеся своей храбростью: Мстислав Удалой, Георгий Владимирович и др.

Знамя с изображением ангела на коне расписывал художник Оружейной палаты XVII в. Иван Салтанов.

Под знаменами из красного холста полки Петра I вступили в Москву в 1696 г. после окончания Азовских походов. Знамена из домотканого белого холста являются свидетелями знаменитого Полтавского сражения, которое произошло

27 июля 1709 г.

Эти скромные полотнища овеяны славой русского оружия. Вместе с другими экспонатами оружейного зала они воскрешают в памяти каждого посетителя музея героическое прошлое нашего народа.

Часть вторая. Сельские встречи

Глава 1. Очевидцы былого

Прошел еще год как Павел терпеливо и даже с трепетом нес знания физико-математических дисциплин в неокрепшие умы своих студентов. Едва ли не все из них приехали в город из соседних сёл и деревень. Трудно было определить, как и чему их учили на местах в сельских школах, но вот элементарные законы Ньютона, не говоря о более сложных премудростях, связанных с именами Бойля и Мариотта и прочих физиков, почему-то не находили места в их юных головах. Другое дело: шитье, танцы и даже игра на фортепиано в силу непонятных для их педагогов причин почему-то давались им куда легче. Зато вот дисциплина на занятиях была идеальная, любой школьный учитель, измученный выходками своих нерадивых воспитанников, мог только позавидовать. Никаких тебе споров, пререканий или иных проявлений строптивого характера и в помине не наблюдалось. И когда в начале сентября в каждой группе первого курса объявили об их отправке в «колхоз», как тогда принято было формулировать «для шефской помощи сельским труженикам», то все как один на следующий день беспрекословно явились в рабочей одежде, обреченно залезли в отрытый ку-

зов ожидавших их автомашин и отправились в ту или иную деревню.

Вместе с ними должны были ехать их классные руководители, но многим из них оказалось далеко за пятьдесят, и они со страдальческим выражением на лицах по очереди подходили к Павлу и слезно просили заменить их на этом ответственном посту. Причем не менее чем на месяц. Тогда еще Павел не умел отказывать. Тем более женщинам, годящимся ему в матери. Он покорно кивал головой, обещал присмотреть за той и за другой группой. А всего беспризорных групп оказалось не более и не менее как пять. Причем в разных деревнях, отстоящих одна от другой на пять – десять километров.

Он наивно представлял, как по приезде пойдет к председателю и тот выделит ему легковой транспорт с водителем, в крайнем случае мотоцикл с коляской, и он за день объедит все группы, а при случае и в город ненадолго смотается. Тем более в городе у него оставалась девушка, с которой у него завязались довольно теплые отношения и дело потихоньку шло к свадьбе. Всё как у людей. Иначе и быть не должно...

Но председатель колхоза, к которому он явился спозаранку, быстро обломал его планы, заявив со смехом, мол, узик у меня один, и он ему самому нужен для серьезных дел. А тебе парень, могу предложить молодого жеребчика, благо ездить на нем все почему-то опасаются. Спасовать перед председательской наглостью Павел просто не мог, к тому же

небольшой опыт верховой езды у него имелся, а еще был характер. И вера в себя. Потому он без раздумий отправился на конюшню, где с помощью полупьяного конюха взнуздal беспокойного Орлика, закрепил седло, влез на него верхом и поскакал под хмельное напутствие лошадиного смотрителя.

За день он побывал лишь в трех группах, назначил старших, проверил, чем кормят тружеников колхозного тыла и остался собой премного доволен. Потом наведalся в другие деревни, понемногу перезнакомился где с бригадирами, где с рядовыми трактористами, что работали вместе со студентами, выпахивая плугом гроздья картофеля из спрессованной от осенних дождей земли.

Но самая ответственная пора наступала вечерами, когда юные студентки одна за одной упархивали из помещения, где они ночевали. Поначалу Павел просто не придавал значения этому, казалось бы, малозначительному, на его взгляд, факту. Но пару раз ближе к полуночи проверил, кто вернулся на ночлег, и не обнаружил значительную часть своих подопечных. Пришлось отправляться на поиски. Не пройдя и нескольких десятков шагов, он обнаружил одну парочку, стоящую подле чьего-то забора, потом другую, третью. Увидев своего руководителя, девушки смущенно прощались с кавалерами и покорно, без особых препирательств отправлялись на ночевку. Зато кавалеры проявляли крайнее недовольство и агрессию. Правда, до кулачных боев дело не дошло, тем более бригадир, узнав о ночных похождениях на-

рушителей порядка, отчитал их, и те притихли. Постепенно деревенские жители стали с почтением относиться к Павлу, здоровались издали, пропускали в магазине без очереди, зывали в гости на чай. Но Павел отказывался, подозревая за их гостеприимством какие-то корыстные цели, а может, просто из опасения старался в родственно-дружеские отношения с местными жителями не вступать. И они тоже не особо настаивали на близком знакомстве, хотя всегда охотно отвечали на вопросы и даже доносили на студенток, застуканных ими в ночное время с кем-нибудь из местных парней.

Глава 2. В поисках легенды

Как-то Павел разговорился с одним местным мужичком, подсевшим к нему на сваленные на краю деревни ошкуренные бревна, приготовленные для какого-то строения. Был тот худощав, о таких обычно говорят, кожа да кости, но жилист и выделялся среди прочих соплеменников мужского пола пружинистой походкой, хриплым смехом завязатого курильщика, умел смачно ввернуть матерное словечко и держался как-то особняком от остальных работяг, словно сторонился своих поселян. Он, как и многие из деревенского люда, редко пользовался бритвой, что подтверждала рыжая щетина с сединой на концах, облепившая всю его физиономию до самых глазниц. Неизменная сигарета, зажатая бескровными губами, давно погасла, но он будто не замечал этого и время от времени проверял ее наличие кончиком синюшного языка. Ему, судя по всему, очень хотелось побеседовать с приезжим человеком, показать себя, а может, просто ждал, вдруг да предложат выпить, и он тут же появлялся на улице, как только Павел шел на околицу деревни, поближе к берегу Тобола, откуда хорошо просматривалось русло реки, делающей чуть дальше крутой поворот.

Вот там и лежали на специальных подложках толстенные бревна, сплавленные по реке откуда-то с северных краев. На них удобно было сидеть, словно на скамейке в парке, и, ес-

ли бы не колючий ветер с реки, то можно было бы долго любоваться неторопливым речным течением, следить за низко плывущими облаками, полетом речных чаек, пикирующих сверху на речные отмели, куда нет-нет да и заходила мелкая рыбёшка.

Любознательный мужичок степенно здоровался и по-хозяйски, не дожидаясь приглашения, садился рядом. Первым делом проверял, на месте ли сигарета, а если она тухла, прикуривал, сложив руки домиком, хмыкал, будто осуждал кого и обычно спрашивал:

– Гляжу, нравится тебе у нас, переезжай, что ли. Не пожалеешь. Тут и рыбалка тебе, и охота, и кедрачи неподалеку, бабы вот каждую осень по несколько ветер с болота клюквы приволокнут, прожить можно. Чего там в городе доброго нашли? Испокон века народ по деревням и селам селился, а тут удумали – все хотят городскими стать! Эдак скоро с деревни все и сбегут. А жить как? Кто хлеб растить станет? Без хлеба-то никак не проживешь. Так говорю?

Павел соглашался, понимал, возражать бесполезно, а потому просто поддакивал, хотя сам вряд ли согласился бы надолго остаться без городской суеты и разного там комфорта. Просто не привык. Да и окружение не подходило. Поговорить и то не с кем. Разве вот так, как сейчас, ни о чем. Потому разговор у них обычно шел о том, о сем: о погоде, рыбалке, старых временах, как раньше тут люди жили.

И в один из вечеров он неожиданно для себя услышал зна-

комое ему имя – Ермак. Переспросил. Оказалось, где-то поблизости от их места дислокации много лет назад случилось сражение дружины Ермака с одним из отрядов хана Кучума. Местечко это называлось Бабасаны, мужик махнул рукой в ту сторону, где оно, по его расчетам, находилось. Оказалось, не так далеко от центральной колхозной усадьбы, где расположились студенческие отряды, призванные на помощь по спасению урожая сельских производителей. Но то, что дальше услышал Павел, показалось ему намного интереснее и привлекательнее.

– А знаешь, почему именно там сражение татары учинили? – спросил мужичок.

– Откуда ж мне знать? – ответил Павел, принимая на себя роль дремучего в вопросах истории профана. Хотя сам понимал, лучше не проявлять особой строптивости и просто поддакивать местным мужикам, коль им пришла охота поделиться чем-то сокровенным, что далеко не каждому чужаку обычно рассказывают.

– Так ты слушай тагды, я тебе все расскажу, мне о том еще мой дед Максим Спиридонович сказывал, а он врать не станет. У хана Кучума была на той стороне Тобола оружейная мастерская, причём запрятана под землей, чтоб никто о ней не проведал. Говорят, будто там же он и сокровища свои держал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.